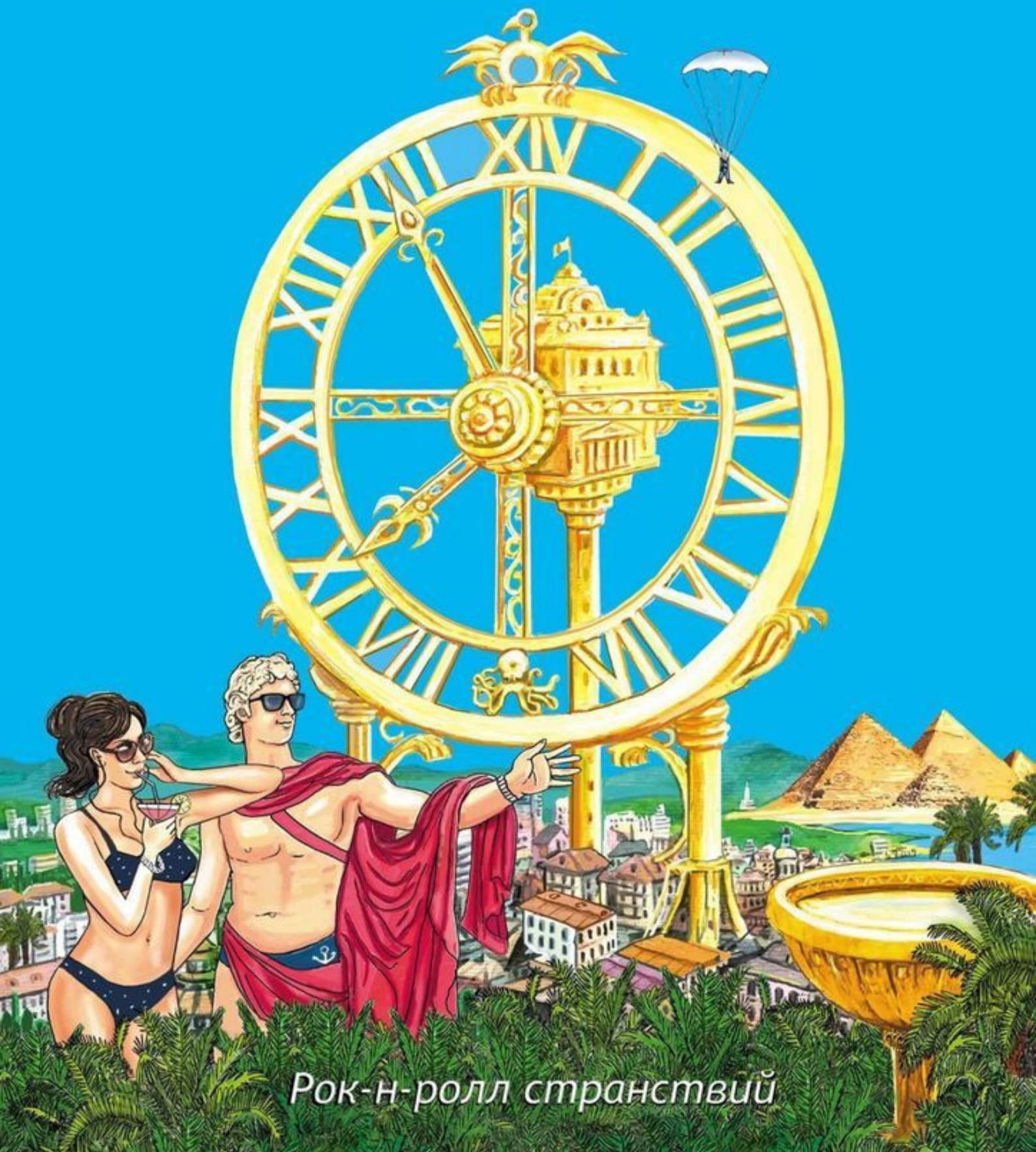

Нестор Бегемотов

18+

ПОЭТАМ НЕ НАЙТИ СВЯТОЙ ТРААЛЬ

Рок-н-ролл странствий

Нестор Бегемотов

**Поэтам не найти Святой
Грааль. Рок-н-ролл странствий**

«Издательские решения»

Бегемотов Н. О.

Поэтам не найти Святой Грааль. Рок-н-ролл странствий /
Н. О. Бегемотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988664-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Что
манит нас в дальние страны? Одни путешествуют, чтобы всё посмотреть,
другие — себя всем показать, и только литератор Нестор Бегемотов
отправляется с какой-нибудь красоткой на побережье, чтобы написать для
своих любимых читателей очередной шедевр в жанре иронической прозы или
магического реализма. В сборнике представлены весёлые и грустные истории,
привезённые из Греции, Египта и Мальты в конце XX века. Море любви,
приключений и ностальгии. Хорошего отдыха!

ISBN 978-5-44-988664-4

© Бегемотов Н. О.
© Издательские решения

Содержание

Мальтийские рассказы,	6
Телеграмма	6
Аэропорт	7
Выдворение	8
Чаевые	9
Сувенир	10
Коллекционер	11
Мастерство	12
Мартини	13
Ценитель	14
Аукцион	15
Броневик	16
Демон	17
Недостойный	19
Фотоснимок	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Поэтам не найти Святой Грааль Рок-н-ролл странствий

Нестор Онуфриевич Бегемотов

Корректор Марина Юрьевна Сергеева

Иллюстратор Владимир Семёнович Ненашев

Редактор Олег Валентинович Романов

© Нестор Онуфриевич Бегемотов, 2020

© Владимир Семёнович Ненашев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-8664-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мальтийские рассказы, или Максим Егоркин в поисках Святого Грааля

Нюхая розы, не вылечишь насморк.
М. Егоркин «О наболевшем»

*В те времена трудно было не вздрогнуть, встретив оценивающий
взгляд отпетого коммуниста...*

Отто фон Ляхтермитов
«Из дурдома с любовью»

Телеграмма

В мае Максиму Егоркину снова стало хуже. Врачи, переживая, советовали подлечиться на Капри, но пролетарский писатель предпочёл тайно вылететь на Мальту, посчитав, что соглядатаев там будет поменьше.

Он остановился в небольшом городке Сент-Джулианс.

За первые три дня Максим действительно хорошо отдохнул.

Каждое утро спускался к морю, считал в небе альбатросов, уже понимая, что это увлечение сводит его с ума. Днём посещал пару ресторанов, а вечером шёл играть в казино, которое находилось неподалёку. Часто ставил фишки на зеро, считая этот сектор символичным и чуть ли не мистическим. Ставил с прибауткой: «Кто был ничем, тот станет всем!» – и курил одну сигарету за другой, ничуть от этого не страдая.

И вот на четвёртый день, когда писатель вернулся с прогулки в уже полюбившийся «Хилтон», портье с вежливой улыбкой протянул ему телеграмму. Егоркин сразу почувствовал недоброе, вчитался, так и есть: «Максим, встречай! Ленин».

Писатель чертыхнулся.

«Вот ведь чёрт, выследил меня Ильич, вычислил как-то... Или донёс кто? Кому же я встал поперёк дороги? У кого же из соратников вождя застрял костью в лужёной глотке?» – задумался Егоркин.

Лицо знаменитого писателя скривилось. Да, жизнь здорово потрепала Максима, времени он выглядел просто ужасно. Но ведь и во времени не было ничего симпатичного!

Егоркин прошёл в бар при отеле, выбрал столик у окна и заказал кофе. Как ни странно, этот напиток его всегда успокаивал.

Он выпил большую чашку и только после этого стал думать, чем займёт великого вождя на Мальте.

– Ладно, ходим на ночную дискотеку. Пусть посмотрит, как оттягивается и растопыряется западная молодёжь. Вот только поймёт ли? За это ли мы боролись? Чтобы биржуины с жиру тут бесновались? – Егоркин, сомневаясь, вздохнул. – Нет, должен понять. Всё-таки гигант мысли. Должна быть у него широта взглядов...

Покинув бар, писатель взял такси и отправился в аэропорт.

Самолёт из Советской России, как всегда, прибывал с двухчасовым опозданием. Максим устроился на скамейке напротив кадки с фикусом и достал свой заповедный блокнот.

Аэропорт

Сивашов отбился от своей стаи: самолёт с группой улетел без него. Виноват русский был сам – слишком долго засиделся в баре при отеле, задумался, перечитывая рассказы М. Егоркина, вот тебе и результат.

Оставшихся денег вроде бы хватало на новый билет. Борт должен был вылететь с острова через шестнадцать часов – без пяти минут полдень. Ничего страшного, переночует в аэропорту. Русским, знаете ли, к трудностям не привыкать.

Он почти не понимал по-английски. Учил его в школе, потом в институте. Одно время ходил даже на какие-то курсы, но потом с них сбежал, решив, что будет заниматься самостоятельно. С этой целью повесил на холодильник шуточную записку: «Не забыть бы выучить английский язык!», но всё было тщетно – язык Туманного Альбиона не давался.

Сивашов подошёл к стойке «Эйр Мальты» и с трудом объяснился, куда ему надо лететь. Девушка за стойкой, пересчитав деньги (пришлось выложить даже монеты), выдала билет в эконом-класс. Багаж, как он понял, следует сдать перед посадкой.

Русский спрятал билет в портмоне, угнездился в свободном кресле возле кадки с фикусом, поставил синий чемодан между ног и задремал...

Мимо него двигался нескончаемый поток пассажиров. Вежливо переговаривались немцы. Вздвонно перекликались французы. Вызывающе гундосили американцы. Повсюду бегали крикливые итальянские дети. Еврейский мальчик обстукивал калькулятор. Из-за стеклянных дверей с улицы доносились звуки клаксонов...

Сквозь сон Сивашов чувствовал, что находится в гуще событий. Со всех сторон его оглаивали люди, самые разные, прилетевшие отовсюду. В дрёме он представил себя огромным валуном на распутье. На нём, вероятно, выбита важная надпись – куда идти: налево или направо, но её почему-то никто не читал. Потом русский погрузился в глубокий сон, в котором уже ничего не чувствовал и не слышал...

Утром турист проснулся и обнаружил, что чемодана возле кресла нет. Вот ведь чёрт, унесли! Как говорится, приделали ноги.

Турист обескураженно посмотрел по сторонам, потом подошёл к охраннику и спросил:

– Вы не могли бы мне помочь? У меня пропал чемодан с вещами... Он вот такого размера примерно, синего цвета...

– А когда у вас самолёт?

– Сегодня в полдень. Что-то не сильно мне везёт в последнее время, я ведь на свой рейс опоздал, пришлось покупать новый билет, а тут ещё история с багажом...

– Не волнуйтесь, мы сделаем всё возможное, чтобы его найти. Надо написать заявление с описью всех вещей. Позвольте, я вас провожу к администратору смены. Вы давно на Мальте?

– Был по путёвке. Восемь дней в отеле «Хилтон». Из молодёжи никого, какая-то резервация для стариков. Понаехали во всей Европе...

– А вы хорошо говорите по-английски, это для русских редкость...

«Странно, – подумал Сивашов. – Я ведь действительно говорю совершенно свободно... Странная ночь. Никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь...»

Он шёл рядом с мальтийцем и понимал всё, что говорили вокруг немцы, итальянцы, англичане. И то, что он слышал, не радовало его совершенно.

Все они вещали об одном и том же: молодой человек выскочил из здания аэропорта с синим чемоданом и угодил прямо под автобус с китайскими туристами.

Куда он так спешил? Неужели не мог посмотреть по сторонам? Молодой, симпатичный парень, родители таким, наверное, страшно годились. Какая нелепая смерть...

Выдворение

Егоркин, вытянув шею, высматривал в толпе прилетевших своего дорогого гостя. Мимо прошли челночницы из совхоза «Заветный путь Ильича». Чеканя шаг, прошествовали грозные чекисты в фирменных кожанках и с такими же кожаными чемоданами. Деликатно просочились штангисты ликёро-водочного завода им. Модеста Оладушкина – эти прилетели по делу, у них на острове оборудована спортивная база.

Наконец в толпе замаячила модная клетчатая кепка Ильича. Русскому вождю оставалось пройти пограничный контроль – и он окажется в объятиях старого друга.

Максим обречённо вздохнул и посмотрел по сторонам. Неподдалёку стоял, покачиваясь на мысках, невозмутимый офицер службы безопасности.

– Извините, мне надо с вами поговорить, – поддавшись непреодолимому импульсу, по-английски заговорил с ним Егоркин.

Офицер, улыбаясь, повернулся.

– Это касается одного русского, прибывшего этим рейсом...

Когда Ильич подошёл к пограничному контролю, с него уже не сводили пристальных глаз.

– Владимир Ильич?

– Да, это я, – Ленин шутливо взял под козырёк своей кепки и вальяжно протянул паспорт.

– А вам в визе отказано. Мы не можем позволить себе беспечность привечать русского террориста. Вы нас извините, пожалуйста...

– Что вы такое говорите, батенька! Какой же я террорист? Я всего лишь вождь мирового пролетариата!

– Поверьте, это нас беспокоит ничуть не меньше...

– А родом я с Неметчины, вот, извольте убедиться, – настаивал Ленин, доставая ещё один паспорт.

Ильич бравировал ещё несколько минут, но служба безопасности была неумолима. Егоркин видел, как вождя взяли под руки и отволокли к зоне вылета самолётов.

Да, не суждено им было встретиться. Может быть, и к лучшему... Надоели уже эти революционные разговоры. О пожарах, о поджогах, о погромах...

Максим покинул зону прилёта, подошёл к банкомату и достал пластиковую карточку. На неё поступали гонорары за неустанно переиздаваемый роман под неинтеллигентным названием «Твою ж мать».

«Сниму-ка я двести лир и поиграю на красное. Что я, в самом деле, прикипел к этому ничтожному зеру?» – неожиданно подумал он.

Писатель вставил карточку в щель банкомата, набрал пин-код (если кому интересно – 1905) и ввёл желаемую сумму. В щель выдачи наличных послушно поползли празднично разрисованные мальтийские лиры. На душе Максима стремительно теплело.

Чаевые

Михаэль рос в бедной семье. Воспитывала его матушка, а своего отца он никогда не видел. Жизнь на Мальте была суровой, рабочий класс пух от голода, добывать себе на хлеб с каждым днём становилось всё труднее. По совету матери парень окончил школу официантов и вскоре начал прислуживать в хорошем отеле.

Со временем он научился разбираться в постояльцах.

Один из них – пожилой немец – проживал постоянно. Клиент был необычным: помимо кружки баварского пива и порции сосисок ничего не заказывал, но всегда оставлял Михаэлю щедрые чаевые. Это были такие хорошие деньги, что через три месяца молодой человек смог купить себе новую одежду и расплатился с долгами, которые матери пришлось сделать в трудные годы.

Между ним и немцем не было сказано и двух слов вне заказа, но установились необыкновенно тёплые отношения. Постоялец смотрел на него неизменно ласковым взглядом и не забывал запускать руку в бездонную пропасть своего портмоне.

И вот однажды благодетель заболел. Михаэль сразу почувствовал неладное, не обнаружив его за столиком, когда настало время для вечерней кружки пива. Он поднялся в комнату немца, чтобы спросить, не угодно ли тому выпить пиво и съесть сосиски, не спускаясь в бар-ресторан.

Дверь была приоткрыта. Михаэль вошёл в номер и обнаружил, что его постоянный клиент без движения лежит в кровати. Но нет, он был ещё жив! Парень встретился с немцем глазами. Тот, казалось, о чём-то молит его, но оставался нем, парализован.

Официант покинул номер и доложил о проблеме старшему администратору...

Утром стало известно, что немец скончался. Глубокая печаль вошла в сердце Михаэля. Дома матушка стала расспрашивать его о том, что случилось. Когда парень рассказал о смерти постояльца и заплакал, женщина нежно погладила его по голове.

– Плачь громче, мой бедный Михаэль, – с невыносимой грустью сказала она. – Такого щедрого клиента у тебя больше никогда не будет. Знай, мой мальчик, это и был твой отец.

Сувенир

Максим Егоркин никогда и никому не давал на чай. В молодости он сильно бедствовал и помнил об этом постоянно. Многие считали его отпетым скрягой, но на самом деле он был всего лишь благоразумен. Очень уж хорошо знал, каким потом и кровью достаётся трудовая копейка.

Поскольку Егоркин повсюду брал сдачу, карманы его костюма были полны мальтийскими монетами, которые мешали при ходьбе, звенели и как-то приземляли.

Не жалел он денег лишь на проститутку Даниэлу, выступавшую на арене своей древнейшей профессии под псевдонимом Дюймовочка, – всегда подбрасывал ей пару лир на заколки сверх уговора.

Даниэла была невысокой и быстроглазой брюнеткой с впечатляющим бюстом, которому могла бы позавидовать Софи Марсо (о её существовании, впрочем, проститутка не знала).

Помимо неоспоримых внешних достоинств девушка сохраняла подвижность и весёлый нрав в любое время суток и при любом количестве выпитого алкоголя. И к тому же любила поговорить о русской литературе. Да, такую красотку ещё поискать!

Егоркин был без ума от этой красавицы, вызванивал её снова и снова. В конце концов попросил работать на него эксклюзивно, оставив других клиентов в покое. Нельзя было забывать, как у биржуинов буквально повсюду непростительно зверствует СПИД.

Пролетарский писатель вообще любил постоянство, это было свойственно его цельной натуре. И ему вполне хватало Дани.

«Странно, что есть люди, которые коллекционируют женщин, меняя их как перчатки. Вещизм какой-то, честное слово! Страсть к коллекционированию вообще следует считать пороком, а замеченных в оном лечить или расстреливать», – неспешно думал Максим, прогуливаясь с девушкой по улицам Сент-Джулианса.

Среди пламенных революционеров страсть к коллекционированию была повальной. Ильич, к примеру, собирал заграничные паспорта. Кржижановский – баночки из-под пива. Луначарский протирал очки, рассматривая залежи марок, конфискованных у биржуинов. Модест Оладушкин увлечённо складировал зубные протезы своих оппонентов. Если кому-то из соратников приходилось менять квартиру, коллекцию вывозили грузовиками (так было, к примеру, при переезде Дзержинского, который увлекался фаянсовыми статуэтками).

Проходя мимо сувенирной лавочки, Егоркин невольно вскрикнул: прямо в витрине был выставлен мальтийский карликовый бегемот, отлитый из бронзы, с добродушным и в то же время философским выражением рыла.

– Максим, что-то случилось? – удивилась Дани.

– Ничего такого, милая, забудь, – ответил писатель. – Я на минутку. Сейчас вернусь... Тебе вряд ли это будет интересно...

Он ворвался в магазин, оставив удивлённую девушку за дверью.

«На этот раз не буду торговаться! – твёрдо пообещал себе Максим. – Такого красавца я возьму за любую разумную сумму!»

Коллекционер

Сорокапятилетний начальник отдела передовых технологий Лакмусов из-за своей плешки производил впечатление порочного человека. Так оно и было: злодей коллекционировал марки и всё свободное время торчал в клубе филателистов.

В мае в клуб пожаловала Оля. От отца ей досталась пара альбомов с марками, которые она собиралась пристроить. Лакмусов уже не раз грел руки на таких коллекциях, скупая их за бесценок: марки, не имеющие почтового штампа, разумеется, тут же падали в цене, а погашенные вообще объявлялись чуть ли не вне закона.

Он пустил в ход всё очарование, на которое был способен.

Оля не умела торговаться, это было видно по тому, с каким уважением она относилась к суждениям Лакмусова, веря каждому его слову. Мужчина показался ей весьма интересным. Движения руки филателиста, вооружённой огромной лупой, казались такими точными, профессиональными.

Ей было двадцать, ему – сорок пять. Внимание Лакмусова льстило. Он никогда не был женат, отчего-то это завораживало.

Они стали встречаться. Он кормил её мороженым с таким великодушием, что она стала опасаться ангины. Однажды преподнёс цветы. В другой раз сводил в недорогой, но уютный ресторанчик. Официант даже зажёл на их столике свечи.

Предложение руки и сердца последовало не так скоро, как ей хотелось, но всё равно, это было настоящее, железное предложение от обеспеченного мужчины с самыми серьёзными намерениями.

В браке Оля не нашла ничего привлекательного. Страсть, с которой Лакмусов отдавался своим маркам – маленьким, ничтожным клочкам бумаги, измазанных клеем, в конце концов, вызывала лишь отвращение.

Не прошло и месяца, как Оля поняла, что живёт с законченным занудой, человеком, внутри которого плещется клей канцелярский.

Поняв, что обманута, осознав, что она в ловушке, Оля бросила всё, что её связывало с этим человеком, и в один день покинула его дом. Никто не мог найти её – ни родители, ни милиция. Сначала даже подозревали в злом умысле самого Лакмусова, отчего тот чуть было не рехнулся. Ведь он любил её больше своей бессмысленной жизни!

Филателист опустился, часто грустил. Ему казалось, что без Оли он сходит с ума. С утра до ночи перекладывал свои марки из кляссера в кляссер, но они уже не доставляли ему ни радости, ни удовлетворения, понятного только избранным.

И вот однажды с Мальты пришла красивая открытка с видами Сент-Джулианса. На обратной стороне Оля коротко сообщала, что теперь она по-настоящему счастлива. Встретила хорошего человека, которого полюбила. Просила простить и забыть навсегда. Свой адрес она, разумеется, не написала.

– Всё равно я найду её, и она снова будет моей! – сквозь зубы процедил Лакмусов и на автомате принялся разглядывать открытку.

Через минуту он бросился за своей лупой. Так и есть! В углу была наклеена чрезвычайно редкая марка, которую Лакмусов безуспешно искал долгие годы.

И он тоже стал по-настоящему счастлив.

Мастерство

Был выходной. Егоркин взял напрокат серый «Лендровер» и повёз Даниэлу кататься по острову. День был солнечным и светлым, магнитные бури, терзавшие Мальту накануне, утихли. Прекрасное время для автомобильной прогулки, что бы вы там ни говорили!

Они с ветерком промчались по самым живописным местам. Ангел-хранитель арендованной машины скользил рядом, и поездка прошла без каких-либо эксцессов.

Когда стало смеркаться, Максим остановился возле придорожного ресторанчика и повернулся к Дани:

– Хочешь, поужинаем, и я куплю тебе выпить?

Даниэла благодарно кивнула.

– «Твои глаза блестят, как две оливки в бокале моего мартини», – влюблённо пропел ей Максим.

Потом он спел ей всю песню от начала до конца, но оставалось что-то ещё, чего никак нельзя было выразить в словах. Как всегда, что-то важное осталось за кадром.

«Люби её и удивляйся, что ты способен быть любимым...» – повторял он самому себе юношеские строки и любил Даниэлу так, как умел, постоянно испытывая страх, что завтра уже не будет так хорошо, как было сегодня. А послезавтра будет всё то же самое, что уже было вчера.

Ничто не изменится, ничего нового не случится. Всё уже было: не с ним, так с кем-нибудь из его многочисленных героев. К тому же, если не прописывать детали, поди, разберись, кто там на самом деле герой, а кто демиург...

Егоркин понимал, что катится под откос своей жизни чугунным паровозом под полными парусами. Откуда у паровоза взялись паруса, писателя уже не волновало. Грань между магическим и повседневным разрежала его на две неравные части. Он и сам уже понимал, что окружающий его мир не может быть реальным. Таких миров просто не бывает...

Мартини

Загоревшая девушка с острова Гозо принесла мне мартини и улыбнулась. Её глаза блеснули, как две оливки, а улыбка пробила моё сердце навывлет. Я никогда раньше не был сражён так внезапно. Но что мне было делать? Её глаза сияли, как две оливки. О-о-о, да!

Она сказала, что могла бы пойти со мной, но сейчас её смена. Зато она может принести мне новый мартини. Она пригубила его украдкой и мне подмигнула. Как быстро эта красотка похитила моё сердце! Я знал, что у неё что-то есть для меня, что-то особенное. О-о-о, да!

Детка, когда ты выходишь в сад, ветер играет твоими волосами, а солнце целует твои обнажённые плечи. И вот ты в прокуренном баре, а выглядишь на все сто. Две оливки украсили мартини и заставили смеяться твои глаза. В моём бокале две оливки. О-о-о, да!

Я помню, что пришёл к тебе в гости с гитарой, со мной был новый рок-н-ролл, придуманный под окнами твоей спальни. Я спел эту песню от начала и до конца, что бывало со мной, если честно, не часто. И осталось ещё немного, чего я так и не смог выразить в словах.

Девочка, ты оливка в бокале моего мартини... О-о-о, да!

Ценитель

Когда он остановился, чтобы перевести дух, из-за угла плохо оштукатуренного здания появилась Даниэла. Жизнерадостно защебетав, она подбежала к Егоркину, чмокнула в щёку и, взяв под руку, потянула прочь.

– Дюймовочка, куда ты меня тащишь? – посмеиваясь, спросил у неё Максим по-английски.

– Сейчас мы двигаться до ресторана, – по-русски ответила ему девушка. – И не называй меня так. Дюймовочка больше не для меня. Теперь я всегда Дани. Ты понимаешь?

– Конечно, детка, как скажешь, – улыбнулся писатель.

Миновав толпу придурковато одетых панков, которые курили на входе непривычно пахнущие сигареты, влюблённые прошли в зал и выбрали столик.

Егоркин уже подвязал под подбородком салфетку, когда в ресторане появился небритый и плохо одетый мужчина. Он выбрал место неподалёку.

– Боже мой, Дани, ты только посмотри, как могут опуститься люди! Чего только им не приходится терпеть в этой сволочной жизни... Как сказал Достоевский: «Ко всему-то подлец-человек привыкает». Был такой русский писатель.

– Ещё один?! – Даниэла была так удивлена, что даже перестала улыбаться. – Боже мой, русские такие талантливые! Вообще!

В этот момент официант в клетчатых штанах принёс убогому огромную вазу с клубникой со взбитыми сливками. Максим потерял дар речи. Биржуины опять преподносили сюрпризы! А ведь говорили большевики, что люди за границей всё время проводят в очередях за пособием по безработице. Но Егоркин видел очереди только в казино – из улыбчивых старичков с жетонами возле игровых автоматов...

Наконец принесли заказ. Пролетарский писатель обильно смазал форель, приготовленную на углях, чёрным английским соусом и задумчиво прошёлся вилок по своей тарелке. Из колонок доносился новомодный шлягер и Егоркин негромко напел себе под нос строку припева: «Девочка, ты оливка в бокале моего мартини... О-о-о, да!»

Даниэла смотрела на него влюблёнными глазами. За время, проведённое с писателем, она неплохо выучила русский язык и в свободное время штудировала программный роман «Твою ж мать». Теперь она мечтала выйти за Егоркина замуж, это казалось ей престижным. Он, видимо, богат, да и выглядит неважно. Когда-нибудь она станет вдовой прославленного писателя и сможет рассказать людям, каким он был прекрасным, необыкновенным человеком!

Максим, уловив тёплый взгляд спутницы, поднял бокал.

– Давай выпьем за нас, моя дорогая! Здесь подают великолепное вино!

– Ты ошибаешься, Максим! Плохое вино, ужасное! Кислятина! Почему ты не разбираешься в винах? Ты должен всё знать, ты – писатель!

– «Плохое», «ужасное», «кислятина», – передразнил Даниэлу Егоркин и пообещал: – Вот приедем в Россию, и я угощу тебя самогонкой. После этого, детка, ты запоёшь совсем другие песни!

– Ты обещаешь? – звонко уточнила Дани, видимо, взволнованная перспективой.

– Слово прохвоста, всё так и будет! – рассмеялся Максим.

Аукцион

Разбогатец, Помыкаев увлёкся дегустацией редких вин. С детства ему мечталось стать знатоком в этом вопросе, но что выпьешь в Совке помимо «Агдама», Золотой осени», «Солнца-цедара» и тому подобной бормотухи?

Теперь Помыкаев мог позволить себе любое вино, какое его заинтересовало. Продукция лучших виноградников стояла в подвале его коттеджа в специальных шкафах, соблюдающих температурный режим, и была готова к употреблению. Под настроение он открывал то одно, то другое...

Однажды Помыкаеву позвонил его давний деловой партнер, чтобы сообщить: на Мальте проходит аукцион, на котором будет выставлено вино, подаренное в 1585 году французским королём Великому магистру ордена Святого Иоанна.

Помыкаев тут же вылетел на Мальту. Бутылку вина он приобрёл за бешеные деньги, но приятель уверял, что такого он точно в своей жизни не пробовал. Ни разу.

– Ты будешь просто на седьмом небе от него, я тебе обещаю. Кстати, если тебе нужна компания, то я свободен. Можем уговорить эту бутылочку вместе.

– Твоя доля будет скромна – всего-то десять тысяч зелёных, – заметил ему бизнесмен, нехорошо прищурившись. – Потянешь?

– Нет, дружище, спасибо! Я не такой одержимый, чтобы отдавать столько бабок за бутылку спиртного! Но я тебя, Помыкаев, уважаю. Мужик!

Когда несостоявшийся компаньон ушёл, виноман вышел на лоджию своего номера.

Стояла великолепная майская ночь. С моря веяло деликатной прохладой. Помыкаев самостоятельно открыл бутылку, осторожно налил немного вина, покатал в бокале и пригубил.

Надо же, простояло столько веков, но сохранило свой аромат. Никогда в жизни он такого не пил. Ему показалось, что все остальные фавориты его коллекции утратили всякий смысл. Вино было просто божественным!

Помыкаев улыбнулся и наполовину (так по правилам) наполнил бокал, чтобы дать вину подышать. Сейчас оно раскроется в полную силу...

После очередного глотка сама вечность распахнула перед ним свои объятия и свою бездну. Перед мысленным взором бизнесмена рождались и умирали цивилизации, в местах магической силы возникали легендарные города, люди спасались от наводнений и гнева вулканов. Продажные поэты восхваляли тиранов, художники увековечивали полюбившихся толстух, а рыцари бились во имя прекрасных дам, которые были к ним равнодушны.

На дегустатора обрушилось столько безумных желаний, столько страсти, ранее незнакомой, что он буквально утонул в своих чувствах. Настоящая жизнь вокруг потускнела, как монета, давным-давно угодившая в позабытый фонтан...

Утром Помыкаев не проснулся. Вино, подаренное Великому магистру, было отравлено.

Броневик

«Странно, что я не способен помнить вид отчётливо долго, – записывал Егоркин в свой блокнот. – Я вижу море приятного синего цвета. Вижу катер, который покачивается на волнах. Вот неожиданно из-за мыса показался парусник, и он белоснежный. Справа от него застыла старинная сторожевая башня...»

Как долго я смогу удерживать всё это перед своим мысленным взором? Вскоре образы потускнеют, и чудесный парусник превратится в своё жалкое подобие из полутеней и размытых пятен...»

Мало того, было похоже, что Егоркин утратил своё прославленное чутьё. Теперь он ставил на свои рассказы, как на тёмных лошадок: авось, что-нибудь из написанного попадёт в точку, заденет читательский нерв, воспламенит и согреет. Ведь чего только не бывает в жизни! Он точно знал: всякое в жизни бывает...

Большевики ночи напролёт зачитывались его «Альбатросом». Текст поэмы был сложным, к тому же неважно рифмованным, но пламенные революционеры, казалось, этого не замечали. Ильич мог цитировать безделушку в цикле. Он подпрыгивал на своих коротких ножках и, брызгая во все стороны слюной, с азартом выкрикивал заученные трескучие строки. Взгляд вождя при этом становился страшен.

Максим помнил, как однажды Ильич залез на броневик с таким зверским выражением лица, что писатель проникся: вот сейчас вождь задаст им всем жару, зарядит о глупых пингвинах! Но нет, в тот раз разговор пошёл о другом. Пора, дескать, брать власть в свои руки, захватывать почту с почтовыми марками и телеграф с телеграммами. Кончилось, мол, время подлых биржуинов...

А вот за границей «Альбатрос» такого успеха не имел. Тамошние коллеги требовали от Егоркина отказаться от поддержки кровавого коммунистического режима и рассказать всю правду, какой бы страшной она ни была. Писатель уже несколько раз высылал им бандероли с номерами газеты «Правда», но оппоненты всё равно оставались чем-то недовольными. Жаловались, что мастер лукавит, а то и вовсе лицемерит. В общем, наступали на все его больные мозоли сразу...

А ведь у него не было броневика, на который он мог бы забраться, чтобы им с пролетарской прямотой ответить. Оставалось только одно – изображать из себя толерантного интеллигента и молча страдать.

Демон

Три листа желтоватой писчей бумаги, прыгающие буквы, никаких дат и фамилий...

Люди, сведущие в оккультизме, говорят, что это почерк Модеста Оладушкина, самого зловещего фигуранта теневого кабинета пламенных революционеров. Даже если это так, о чём идёт речь в этих заметках, всё равно непонятно.

Впрочем, судите сами.

«...и когда волшебное кольцо с красным камнем на указательном пальце его, никто не может остановить движение его руки.

Отец Феофил сказал, что, если он не вернётся, надо ехать в город за Великим магистром. Только тот всё ещё может остановить демона, которому повезло выбраться из преисподней.

Едва над деревней взошло солнце, отец Феофил коротко простился с нами и отправился в путь. Я, незримый, следовал за ним, хоронясь то в кустарнике, то в высоких травах. Отец Феофил дошёл до леса и углубился в чащу. В тот момент я чуть было не потерял его из вида, но из-за деревьев послышался чей-то озлобленный и полный ненависти голос.

– Ты всё-таки не испугался, старик? Думаешь, что сможешь меня остановить? Попробуй! Как же ты жалок...

Теперь я видел демона, он был в обличие человека. Остроконечный колпак с красной звездой на голове, длинная кобура с оружием на боку. Лицо покрыто густой рыжей щетиной, а глаза заливают огонь лютой ненависти и безжалостной злобы. Никаких сомнений, это был он!

– Вот и пришёл твой конец, – прохрипел демон и выхватил маузер из длинной кобуры. – Отвечай, старик, какие дары нужны Мор-Муну!

– Зачем тебе дары, глупец, если нет больше его храма?

– Есть его храм, есть! Мы нашли его на острове Гозо. Помнишь эти древние развалины, старик? Под ними и находился храм древнего демиурга!

Я вжался в траву, чтобы демон меня не заметил, а тот продолжал:

– Много раз мы приходили к нему с дарами, но солнце не светило ярче и трава не становилась зеленее. Многие из нас пили зелье страны Мун, чтобы говорить с Мор-Муном. Великие чекисты спрашивали его: «Чего тебе ещё надо? Мы и так уже принесли тебе и золото, и серебро, и фаянсовые статуэтки. Дай же нам власть в этой стране!» Но Мор-Мун в этих видениях только щурился злобно, безобразный, весь в шупальцах и присосках...

– Вот что я тебе скажу, нечестивец: грех это – молиться на исчадие ада. Оно не только вас, оно всё вокруг уничтожит, – твёрдо сказал отец Феофил.

– Грех не грех, а надо нам как-то править в стране, которую мы захватили. Но только Мор-Мун способен нам в этом помочь. Отвечай, старик, где нам взять невинную кровь? Уже с десяток цистерн мы скормили ему, но всё это была кровь виноватых... Мы приносили ему кровь плотников и аристократов, кровь девственников и распутниц, художников и поэтов – всё впустую, старик, всё впустую... Но сейчас мой перстень стал кроваво-красным, и это значит, что я на верном пути!

– Не знаю я ничего о безумных дарах. Оставь ты Русь-матушку в покое...

– Устал я с тобой говорить, глупый старик, – сказал безумный, сильно раздражаясь. – И наставлений твоих мне не надо, все их не переслушаешь. Прощай!

Демон поднял маузер и выстрелил так быстро, словно палец случайно соскочил на курок. Я тут же выскочил из кустов и бросился к отцу Феофилу, чтобы как-то ему помочь.

– Беги, мой хороший! Ты-то ему и нужен! – только и смог прохрипеть отец Феофил, прижимая руку к груди в том месте, где разрасталось ужасное кровавое пятно.

– Так вот кто ты такой! – вскричал демон, подняв вверх указательный палец с сияющим перстнем. – Вот, значит, в ком течёт невинная кровь, в деревенском дурачке! Теперь ты от меня не уйдёшь, лакомство для Мор-Муна!

И он бросился прямо на меня!

Я в ужасе вскочил и, петляя, побежал прочь. Я мчался, не оглядываясь, не чуя под собой ног, потому что знал: демон, полный лютой ненависти и безжалостной злобы, гонится вслед за мной...»

Вот и весь текст, который был на трёх страницах писчей бумаги, и больше мне об этой истории ничего не известно, клянусь присосками Мор-Муна!

Недостойный

Утром пришло письмо от озабоченного Модеста Оладушкина. Тот писал, что, вернувшись из своей неудачной поездки, Ильич словно спятил: переехал в Горки и всё время проводит, шастая по комнатам и невразумительно бормоча, в поисках то ли ночной вазы, то ли какой-то чаши. Не иначе, как обострилась болезнь, приобретённая в прошлом году в Австрии от катания на горных лыжах с неадекватным доктором Фрейдом.

Егоркин только ахнул. Он ведь Святой Грааль ищет, а вовсе не ночную вазу! Максим помнил, с каким упоением они говорили о Граале, когда были азартными и молодыми. Как хотели найти его, чтобы сделать счастливыми всех людей на планете, буквально во всех её уголках...

Конечно, если уж говорить о магических артефактах, то лучшего знатока, чем Модест Оладушкин, не найти. Тот ещё жук масонский, на оккультизме упряжку собак уже съел!

Наедине они общались лишь однажды. Как-то после митинга сопровождали вождя в кабачок «Три поросёнка», потом Ильич отпросился по своим делам, а Максим остался с Модестом – допивать и доедать то, что уже заказали.

Понятное дело, надо было о чём-то говорить.

– А вы ведь знакомы с артефактами тамплиеров? – с подобострастием спросил Егоркин. – Правда ли, что в одном из замков они хранили Святой Грааль?

– Охота тебе, Максимка, размениваться по мелочам? – тут же отозвался Модест. – Мы тут новый мир строим, а ты всё за старь пытаешься ухватиться...

– Я ведь поэт, так что в постоянном поиске пребываю...

– Поэтам не найти Святой Грааль, – отрезал Модест, отпивая из пивной кружки.

– Это ещё почему?

– Поэт – лицемерный балабол и бездельник законченный, а Грааль может показаться лишь человеку искреннему и неискущённому, великому труженику, а не брюхослову. Чекисту, но никак не фантазёру.

– Модест, но поэт вовсе не брюхослов, как вы выразились столь несуразно, – кинулся в схватку Максим. – Писать стихи – изнурительный труд. Бывало я...

– Труд до кровавых мозолей? – нехорошо усмехнулся Модест, прерывая собеседника, и для наглядного примера показал указательный палец, которым он нажимал на курок.

Максим, понятное дело, отпрянул.

– Всё бы вам, поэтам, в облаках витать... – убирая палец, подытожил Оладушкин.

– Да, пожалуй, вы правы, на земле мы стоим не твёрдо, – деликатно согласился поэт. – Особенно, если выпить...

Модест посмотрел на него пристально, но поэтический алкоголизм Егоркина комментировать не стал. Потом сказал с таким пафосом, словно долго думал об этом, но никак не мог найти подходящего собеседника. Впрочем, он всегда и со всеми так себя вёл.

– Грааль может обрести лишь тот, кто всё поставил на карту. А вы хотите получить его просто так, по праву какого-то божьего дара. Вы вообще ни за что не хотите платить, за вас всегда платят другие. Все вокруг вам должны: поклонницы – дарить нежность, друзья – угощать в ресторанах, спонсоры – издавать ваши дурацкие альманахи... Да с какой стати? Кому и какое дело, что ты там срифмовал по пьяному делу?!

Егоркин застыл, не в силах ничего ответить. Впрочем, Оладушкин и не ждал ответа.

– Вы ведь ничего не создаёте, ни в чём толком не разбираетесь, – продолжал вещать масон. – Эфемерные создания, никчёмнее мотыльков, а внимания к себе требуете, как к Ланселоту. Впрочем, раз уж заветная чаша не далась в руки даже ему, твой номер, Максимка, вообще четырёхста пятьдесят третий...

Егоркин никогда ещё не слышал, чтобы мрачный Оладушкин произнёс столько слов кряду и никого при этом не застрелил.

«Надо признать, что он хорошо разбирается в теме, видать, и сам когда-то кропал стихи...» – подумалось ему в тот момент...

Потом прошла целая прорва лет, и вдруг Ильич вспомнил о молодецких забавах. С чего бы это? Что-то с ним случилось?..

Егоркин уже давным-давно отринул теории Модеста, посчитав их слишком примитивными, что ли. Не может ведь в жизни быть всё так просто, как того хотелось бы чекистам?

«Хорошо, что чашу не нашли, и где её искать никто не знает, – воспрянув духом, порадовался Максим. – Мне пятьдесят семь. Разве это такой уж неподходящий возраст, чтобы заняться поисками Святого Грааля? Скажем так: это просто идеальный возраст! Немного ведь мне осталось...»

Максим встал со стула и зашагал по номеру – от окна к двери. Потом, еле успокоившись, сел.

«А взять, к примеру, Мальту. Разве это такое уж неподходящее место для поисков чаши? Лучше уж искать её здесь, чем в каком-нибудь Лондоне, Париже или Мухосранске. Велика вероятность, что рыцари мальтийского ордена доставили её прямо сюда...»

Нет, всё это не важно! Рыцари здесь ни при чём. Время и место вообще – ничтожные величины в этом вопросе. Главное – иметь желание быть избранным, быть к этому готовым, вот в чём фокус! Единственный шанс обрести Святой Грааль – это посчитать, что именно ты его достоин!»

Максим снова подскочил на стуле, чтобы прямо сейчас бежать куда-то в ночь в поисках мистической чаши, но потом снова взял себя в руки и замер.

«А вдруг я когда-то его уже нашёл? – задумался он, и сначала эта мысль показалась ему поистине страшной. – Нет, быть этого не может! Я бы заметил... Столько книжек весёлых и грустных я написал, но так и не нашёл радости для своего сердца. Значит, пока что и свой Грааль не нашёл...»

Писатель уже и сам чувствовал, что стоит на верном пути. Да, Грааль надо искать. Здесь самое время и самое место. Есть, конечно, подвох: не ходить же по сувенирным лавкам, высматривая заветный артефакт. Чёрт знает что могут подсунуть вместо него! Значит, главное и не в форме чаши. Всё равно в мире не найдётся вина, которое можно было бы из неё пить...

Откровение было таким ярким и внезапным, что у Егоркина закружилась голова, и больно застучало в висках.

«Что понимать под поиском Святого Грааля? Вот в чём заключается вопрос... И у меня, пожалуй, есть на него ответ, – наконец-то решил писатель. – Для меня – это написание всех этих удивительных и странных рассказов. И надежда, что один из них выйдет поистине чудесным...»

Максим подошёл к окну и посмотрел на яхты, курсирующих вдоль побережья. Потом проводил взглядом одинокую чайку, мысленно представил её в виде грозного альбатроса и улыбнулся. Потом подошёл к столу, намереваясь отыскать блокнот, но тут в голове что-то жалобно ёкнуло, и Егоркин повалился на пол.

В этот момент окно неожиданно распахнулось, и комнату влетел бесстрашный и стремительный буревестник. Не буду спорить, в каком-то смысле это было даже символично.

ФОТОСНИМОК

Ратников попал на эту вечеринку случайно, он вообще должен был находиться в командировке.

Собрались почти все сотрудники фирмы, которых он в нерабочее время предпочитал не видеть. Для сборища нашёлся повод: Вырвулин, вернулся из туристической поездки на Мальту и всем привёз памятные сувениры.

Женщины накрыли и украсили стол, мужчины откупорили шампанское и достали бутылки с водкой, полились откровения Вырвулина. Сувениры он вручал по ходу дела, используя слово «кстати».

– Кстати, я для тебя привёз авторучку с голой девушкой, дома забыл. Но ты не переживай, завтра обязательно принесу, – сообщил он Ратникову, когда о нём вспомнил.

Ратников был уверен, что коллега напьётся и забудет о своём обещании, но это было не важно. Он был очарован самим фактом того, что можно куда-то поехать за границу, открыть для себя новые горизонты...

Что там происходит? Как живут люди? Неужели то, что рассказывают, правда? Ну, хотя бы частично?

Поэтому, пока Вырвулин живописал свою поездку, Ратников внимательно слушал. А вернувшись домой, записал основные моменты, скажем так, ключи от нового мира в блокнот.

Ими были: название самого лучшего города, в котором надо остановиться, вино, которое надо обязательно попробовать, и имя лучшей проститутки, с которой Вырвулин сошёлся в день своего отлёта. О ней он уже рассказал, дымя в курилке, когда сотрудниц не было рядом.

– Такой красавицы вы не найдёте на всём белом свете... – пообещал отдохнувший Вырвулин, и по блеску в его прищуренных глазах было понятно, что этим словам можно верить.

И вот через месяц, поднакопив денег, Ратников вылетел по путёвке на Мальту. Он специально заказал отель в том же городе, где отдыхал его коллега, более того – попал в номер, в котором останавливался Вырвулин (это, правда, было уже совпадением). В тот же вечер попробовал откомендованное вино (оказалось кислятиной, видать, было хорошим) и на следующий день приступил к поискам проститутки Даниэлы.

Ратников использовал только те ключи, которые в пьяной беседе выдал, в общем-то, малознакомый Вырвулин, и не замечал странностей, которые его повсюду окружали: карликов на гоночных велосипедах, финиковые пальмы, украшенные игрушками, сделанных из кусочков сыра, страусов, которые отовсюду выскакивали на дорогу.

Несколько раз ему попадались молодые люди в камуфляже, за которыми тянулись обрешеченные стропы парашютов. Какие-то женщины в широких шляпках выгуливали по улице маленьких леопардов.

Хронометры в отелях по какой-то непонятной причине имели четырнадцатичасовые циферблаты. Все бармены, словно сговорившись о профессиональной идентификации, демонстрировали татуировки с изображением кракенов или осьминогов. Вкус яичницы с беконом, поданной на завтрак, запоминался на весь оставшийся день...

Странностей, кстати, с каждым часом становилось всё больше, и, если бы Ратников задумался над этим, он бы понял, что мир, в котором он оказался, возможно, не совсем реален. Или он просто угодил в какую-то альтернативную реальность, кто знает? Однако он впервые был за границей, и всё вокруг принимал за чистую монету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.